

«МЕЛЕХОВСКИЙ ДВОР»

Эта фраза открыла «Тихий Дон» и положила начало его всемирной славе. С той поры загадка шолоховского гения волнует умы читателей и критиков.

За долгие годы, особенно здесь, на Дону, мы сжились и сроднились с его героями, а приезжающие впервые в Вешенскую помимо воли всматриваются в лица станичников, пытаются угадать то быстрый взгляд жгучих Аксиньных глаз, то тureцкую породу кого-нибудь из Мелеховых. А еще — где тот хутор и мелеховский двор и что стало с самим Григорием.

Шолохов не единожды отвечал на эти вопросы. Известный исследователь его творчества В. Гур в своей последней монографии «Как создавался «Тихий Дон» рассказывает: «Когда, беседуя с Шолоховым в Вешенской, я спросил, с чего начать знакомство с натурой его романа», писатель назвал самые живописные места, раскинувшиеся вниз по течению Дона от Вешенской до Еланской. От старинного вешенского собора я шел той дорогой, которой после принятия присяги возвращался с товарищами на хутор Григорий Мелехов.

Правый берег Дона буквально облеплен хуторами. Базки теперь соединяются с хутором Громки, у самой реки — Громочок, а вот в лучах утреннего солнца открылся хутор Калининский (б. Семеновский). Кажется, ничем не примечателен он, всего лишь несколько раз под своим именем упоминается в «Тихом Доне». Но это географическая точка хутора Татарского. Сюда именно Шолохов «привязал» его, отсюда идут детали окружающего героев «Тихого Дона» мира».

Со слов Михаила Александровича давно известно и имя прототипа Григория Мелехова. Это базковский казак Харлампий Ермаков. В. Гур замечает: «Шолохов скуп и неохотно рассказывает о прототипах своих героев. Для этого, видимо, у него есть основания». Какие? «Слишком уж примитивной, без учета психологии творчества каждого художника, его творческой индивидуальности рассматривается у нас соотношение художественного образа и его прототипа».

Возможно, в этом была доля истины. Но судя по фактам, открывшимся сегодня, у Шолохова были и другие причины не распространяться о тех, чьи судьбы легли в основу его литературных героев. Об этом и пойдет речь.

15 лет тому назад другой исследователь шолоховского творчества Константин Прийма рассказал читателям о своей встрече в станице Базковской с полковником в отставке Яковом Фадеевичем Лосевым, который поразили его своей начитанностью и глубоким знанием прообразов героев «Тихого Дона». Он решительно не соглашался с тем, что Татарский — это хутор Калининский. Лосев привел Примю на окраину Базков.

«Вот над, тойбой», говорил Лосев, — «крутой, возвышающийся, спуск, замшелые мелеховы глыбы, а вдали по косогору Гетманский шлях, сбочь коего на развилке дорог в 1918 году была поставлена дедом Захарием чаровенка над могилой Валета. А погляди на юг — мелехов хребтина Белой горы — все, как в «Тихом Доне». Но все это, так сказать, декоративная. А главное — народ. Кого в Калининском могут назвать как у нас, в Гетманском? А никого. А у нас, пожалуй, — Харлампий Ермаков. Вот его курень. Харлампиев дед привел себе жену из турчанки, которая родила ему сына Василия — турка. Что? Как это вам нравится? Но у калининских же ни одного казака-турка и в заводе не было. Наш Харлампий, черный, горбоносый, красивый и взыбаловатый, ушел на царскую службу. На германском фронте заслужил четыре креста Георгия, стал хорунжим. В революцию примкнул в Каменской к Подтелковым. Мы избрали его в Базках в ревком. Был он, Ермаков, рядом с Подтелковым, когда тот зарубил есаула палача Чернепова. А позже примкнул к белым и был свидетелем казни отряда Подтелкова в Пономарево, но из своей сотни не дал ни одного казака в палачи. А позже в Вешенском 1919 года командовал полком, а затем конной дивизией. Вскоре у него тут в Базках умерла жена. Он пригласил себе сестру милосердия и отпустил с нею на Кубань. В Новороссийске сдался красным, наверное, скрыл свои грехи по востанию, на польском фронте в Первой Конной армии командовал эскадроном, затем полком. После разгрома Врангеля Буденный назначил Ермакова начальником кавалерии в Майкопе. Вот такая планка ему выпала».

Куда же повела она дальше Ермакова — Мелехова? Что стало с ним после того, как «стоял он у ворот родного дома, держал на руках сына», а мы закрыли последнюю страницу романа. В реальном мире дочка его, Полночка, не умерла от голодной, как в книге, а осталась живой и здорова. И по сей день 90-го года живет в Вешках. Да-да, дочка Харлампия Ермакова, Пелагея Харлампиевна Шевченко жива. Уж она-то могла бы рассказать об отце.

Многие шолоховеды ездили к Пелагее Харлампиевне. Встретился с ней и В. Гур.

«Почти на окраине станицы, на идущей по берегу Дона улице, отыскал я тот самый казачий курень, где жил Харлампий Ермаков. Хозяйка дома, Пелагея Харлампиевна, женщина со смуглым лицом и смелыми волосами, уже кое-где протрунтым седой, встретила неожиданного гостя не совсем приветливо. С неохотой отвечала она на вопросы об отце. Немного, видно, хлопот доставил он своим детям, немало пришлось им пережить».

Пятнадцатилетней девочкой встретила впервые с Шолоховым. Немного и он был старше — пятью годами. Жил тогда в Каргине, часто навещался к своему старому базковскому знакомцу Федору Харламову. Тот, бывало, просил Полночку: — Сбегай же ты за Харлампием. И Пелагея бежала, звала отца. Помнится ей, полугоду засиживался он с Шолоховым в горнице Харламовых. До поздней ночи, бывало, затягива-

лись эти беседы. С нелегкой судьбой столкнулся молодой писатель.

С детьми неразговорчивый и хмурый Харлампий был холоден, не знали они от него ласки, не поверял он им тайн своей нелегкой жизни.

Началась у нас на Дону смута, восстали казаки, по хуторам шли бои (речь о Вешенском восстании 1919 года). Где-то под Каргинской и отец командовал повстанцами. Слухами пользовались — жестоко воевал он, пил, гулял. Мать, помню, не раз жаловалась на свою долю. Тяжело ей, видно, было слушать про отца такое, а казаки старики чтили его. «Войнственный, говорили, геройский казак Харлампий».

Девятый год шел мне, когда снова довелось повидать отца. В тот год померла мать от простуды. Утром еще собрала меня в школу, а вернувшись — не застала матери в живых. Отцу о том сообщила, жалко, но так и похоронили мать без него. Зависая он вскоре, пожил недели две и опять

ги и насиле со стороны Красной Гвардии».

Здесь и далее буду цитировать документы в той последовательности, в какой они подшито в уголовное дело. Другие свидетельства не потребуются, потому что почти вся дальнейшая жизнь Ермакова до самой его смерти заключена в эти три тома в добротных синих переплетках.

«Протокол общего собрания граждан села Базковского Вешенской волости Донского округа под председательством Кашенко 17 мая 1923 года».

Мы, нижеподписавшиеся граждане села Базковского, ввиду ареста гражданина нашего села Ермакова Х. В. считаем своим долгом высказать этим свое мнение. Ермаков все время проживал в нашем селе, так же был хлеборобом, как и все мы. Но случилась гражданская война, и он попал на войну, сражался, был ранен и по окончании такой вернулся домой и занялся своими домашними делами. Случилось восстание, и Ермаков, как

тислся я к нему, — были ли вы при Ермакове, когда он прискакал в село базовских казаков 11 мая 1918 года в Пономарево?

— Ну а где же ordinarily полагалось быть, — ответил Пятаков. — Как бог велел, был при нем неотступно, когда мы мчались верхи в Пономарево хутор, то мой командир Ермаков и подумал не мог, что там будет такое смертоубийство. Он более всего опасался, что в хуторе по случаю пасхи и в знак примирения подтолкуют и спидрионовцы (беляки) разойдут весь самогон и нам ничего не останется. Скачем в хутор, а там черт-те что делается. Виселица, черны бугор земли перед огромной ямой, толпа народа. Ермаков сквозь толпу дошел до самой ямы, а за ним следом. Вдруг ударил первый залп. Багатиш-светы — залп на первый день пасхи по живым людям. Крики, вопли, стоны. Народ качнулся беч...

И тут они встретились. — Кто они? — Да Ермаков и Подтелков, — про-

ламный, к нему присоединились активные контрреволюционные деятели, начавшие под благосклонным руководством своего командира с небывалой жестокостью расправляться с представителями Советской власти и даже просто с сочувствующими... Путем востания совласть в означенном районе была свергнута, после чего есаул Ермаков начальствование передал генералу Секретову, ставленнику Деникина. Участники востания влились в ряды белой армии и были там до момента захвата их в плен при разгроме добровольческой армии Деникина.

Принимая во внимание все вышеизложенное, постановили: Ермакова Харлампия Васильевича, 32 лет, казак станицы Вешенской Донского округа, грамотного, беспартийного, предать суду.

«Дополнительные показания (19 января 1924 года). Ввиду ограниченности времени при допросе меня 18.1 с. г. я не был задан некоторые вопросы, на которые я желал

1927 года был вновь арестован. Старые грехи. Вряд ли. Скорее сыграло роль негативное отношение Ермакова к крестьянской, а вернее, антикрестьянской политике властей. Судьба базковского казака нельзя рассматривать в отрыве от процессов, развернувшихся в стране. Его трагедия — это не столько трагедия казачества, сколько всего российского крестьянства. В 1925 году его еще могли оправдать и отпустить с миром, а в 1927-м он со своим незыблемым, взрывчатым характером, хозяйской хваткой неминуемо должен был стать жертвой ненавистного молоха. Не в 27-м, так годом или двумя позже.

Но кто донес на него, кто подтолкнул к гибели, так и остается загадкой. Уголовное дело на этот счет предусматривает лишь молчание. Лишь показания некоторых одесельчан, некоторых — не все пошли на доносительство — открывают занесу.

Николай Петрович Еланкин, 57 лет, бедняк, показал: «Ермаков смеется над коммунистами, излагает к ним полное недоверие, все время старается занять какой-нибудь пост, в настоящее время пользуется популярностью среди зажиточных, в общем и целом тип очень опасен для Советской власти».

Климов, бедняк, житель станицы Вешенской, показал: «Враждает среди кулачества, давит бедноту... Пользуется авторитетом среди зажиточных, тип социально опасен для Советской власти».

Анна Ивановна Полякова, разведенная, бывшая жена Ермакова, 33 года, показала: «Ермаков приблизительно в июле месяце, когда вышел из тюрьмы, получил из Ростова от бывшего белого офицера письмо, в котором говорилось: «Ермаков, нетеряй надежды, мы все равно как носим погони, так и будем носить, погони свои беречь...». Я ему начала говорить, что брось ты эти дела, давай заниматься какой-нибудь работой, что я этого не брошу, все равно наша власть будет».

Анисим Лапченко, 30 лет, счетовод, показал: «Были такие случаи, когда я читал по политграмоте, Ермаков частенько говорил мне: «Охота тебе заниматься такой дрянью, я ее знаю как дважды два».

«Выписка из протокола № 5 заседания Президиума ЦИК Союза ССР от 26 мая 1927 года».

Слушали: ходатайство ОГПУ о предоставлении ему права вынесения внесудебного приговора по делу Ермакова Х. В.

Постановили: ходатайство ОГПУ удовлетворить.

Секретарь ЦИК Союза ССР А. Енунидзе.

Особо уполномоченный при коллегии ОГПУ Ф. Фельдман.

«Срочно. Сов. секретно. Лично П. П. ОГПУ по СКК г. Ростов н/Д».

ОГПУ при сем препровождает выписку из Протокола заседания коллегии ОГПУ от 6.VI-27 по делу № 45529 Ермакова Х. В. — на исполнение. Исполнение доложить.

Зам. председателя ОГПУ Ягода Начальник О.Ц.Р. Шанин.

«Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ (судебное) от 6 июня 27 года».

Постановили: Ермакова Харлампия Васильевича — расстрелять. Дело сдать в архив».

17 июня 1927 года приговор приведен в исполнение.

Смуть перестала играть с ним в прятки, слишком расторопны были ее подручные. Но в одном она просчиталась: уйдя в землю, Харлампий не ушел в небытие, оставшись, правда, под другой фамилией, жить на страницах «Тихого Дона».

16 июня 1989 года в УГКБ по Ростовской области поступило заявление от Пелагеи Харлампиевны Шевченко с просьбой прояснить судьбу ее отца. Так начался пересмотр дела Харлампия Васильевича Ермакова. Прокурор области В. Н. Паничев, изучив материалы, обратился в президиум Ростовского областного суда. «Прошу: постановление коллегии ОГПУ от 6 июня 1927 года в отношении Ермакова Х. В. отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления».

18 августа 1989 года протест прокурора был удовлетворен, а Харлампий Васильевич Ермаков реабилитирован посмертно.

В этом уголовном деле есть еще один последний документ.

«В отделе ЗАГС... Шолоховского районного Ростовской области исполкома Совета народных депутатов».

Извещение

Просим зарегистрировать смерть гр. Ермакова Харлампия Васильевича 1891 года рождения.

Место смерти — не установлено. Причина смерти — расстрел.

Ранее смерть гражданки Ермакова Х. В. не регистрировалась. Просим свидетельство о смерти выдать гражданке Шевченко Пелагее Харлампиевне.

УГКБ по Ростовской области».

Так смерть в третий раз навелась в дом к Ермаковым, словно желая удостовериться, что 52 года назад, перевернутая по тем временам работой, она ничего не перепутала.

О. НИКИТИНА.

киричником можно построить и храм, и сарай для скота. Но для первого дела нужен генерал».

Как-то так получилось, что наука оказалась действительно в долгу у читателей «Тихого Дона». И по сей день не существует научной биографии Михаила Шолохова. Именно на этом и пытаются сегодня спекулировать люди типа Мезенцева. Мутные волны, идущие от их трудов, к сожалению, весьма живучи. Молчаливо созерцая бурную деятельность Мезенцева его коллеги по университету. Гуляют по стране страницы его бредовых опусов. Потому-то так важно то возвращение долга, о котором сегодня рассказывал. Три смерти было у Харлампия Ермакова. Но поднялся он ныне из пепла забытый и жить отныне будет вечно. Как и автор великого «Тихого Дона» Михаил Александрович Шолохов.

А. АНДРУСЕНКО.

ТРЕМ СМЕРТЯМ БЫВАТЬ...

О неизвестных страницах жизни прототипов героев «Тихого Дона»

усканал — ищи ветра в поле! Дядя Емельян, старший брат отца, погиб еще до смерти матери, других родственников не было. Так и остались мы сиротами у Солдатых. А вернулся отец домой уже с польского фронта, когда война кончилась. Арестовали его, но вскоре выпустили. Солдаты уговаривали отца не жить в Базках, уехать советовать, переждать, но отца тянуло в родные края, не мог он уехать. В году, кажется, двадцать шестом видела я его в последний раз. Ушел в гости и не вернулся. Домой. Говорят, его что-то из ба...ович встретил в Миллерово, вели е... по улице под ружьем... Вот и все...

Немного. Но больше рассказать не мог никто. Все исследователи сошлись на том, что вокруг имени Харлампия Ермакова столько легенд, что сложно различить в них, где вымысел, а где правда.

Но вот лежит она, эта правда, в трех томах уголовного дела, хранящегося в областном управлении Комитета безопасности и только что увидавшего свет божий, и душа дрогнет от трагичности узанного. И совсем по-новому раскрываются вся глубина романа и мужество его создателя. Не муза стояла за плечом у Шолохова, смерть и кара смотрели из его черновика. И имя у этой кары было — ОГПУ.

Достаточно сопоставить два факта. В июне 1927 года Шолохов привез в Москву рукопись первой книги, центром повествования которой стала трагическая, противоречивая фигура казака Григория Мелехова. В эти же дни его прототип, Харлампий Ермаков, был расстрелян как враг Советской власти. Это могло стоить головы молодому писателю.

С высоты сегодняшнего знания о горькой нашей истории, об изломанных судьбах российских гениев отчетливо видится: не клевета и злые наветы были самым страшным для писателя все последующие двенадцать лет работы над романом, не недопонимание коллег и выпады критиков, а вот это уголовное дело, надежное спрятанное в хранилищах сталинской охраны.

Странное ощущение возникает при его изучении. С одной стороны, словно заново прочитываешь некоторые главы романа или наброски черновиков, в него не волеешь, — так заглядываешь за кулисы большого действия, а с другой — кулисы эти за тем пределом, куда заглядывать страшно. Потому что понимаешь: не литературные герои встают сейчас перед тобой, а живые люди с мечтами, болью, страхом. И все это рождено не фантазией художника, а стараниями сотрудников ОГПУ.

Изучая уголовное дело Ермакова, пытаешься понять веки послужного списка, хранящегося в деле и до мельчайших деталей зафиксированного жизнь базковского есаула, «наложив» их на загадки запутанной судьбы Григория, отчетливо различаешь, где писатель следовал рассказам Ермакова, где собственной фантазией. В частности, Харлампий Ермаков с бабкой не считался, а в феврале 1923 года демобилизовался из рядов Красной Армии и вернулся в родную станицу. В его послужном списке по этому поводу записано: «Уволен в б. отпуск как бывший белый офицер в порядке приказа СКВО № 26».

Недоверие и красных, и белых сопровождало Ермакова, как и героя «Тихого Дона», все послереволюционные годы, отравляла ему жизнь и, возможно, являясь основной причиной метаний. В книге этого эпизода нет, а в жизни было: летом 1918 года, вернувшись домой после ранения и участия в отряде Подтелкова, Ермаков был судом полемым судом белых. Председатель суда есаул Сидоров приговорил его к высшей мере наказания. Так впервые смерть загнала ему в глаза не на поле боя, а в родной станице. И в этот страшный для него час он вдруг совершенно ясно осознал, что не будет ему больше покой на этой земле. От смерти спасло ходатайство брата сотника Емельяна Ермакова.

После демобилизации отдыхал он недолго. В начале апреля 1923 года как бывший участник вешенского восстания был арестован.

«Протокол допроса».

1923 года апреля шестого дня зам. уполномоченного ДОГПУ по Дону Григорий просил гр. Ермакова по делу востания против совласть в 1919 году.

В. Участвовали ли в этом востании и какое участие принимали?

О. Я был назначен по предписанию Вешенского Военного отдела командиром востанческого отряда.

В. Кто был организатором востания и причина востания?

О. Организаторами были Суяров, Медведев, Кулинов. Первый из Каргинской станицы, второй тоже и Кулинов из Вешенской, а причиной востания являлось — это расстрел, подко-

Моисей 6/11-26.

Уважаемый тов. Ермаков!

Мне необходимо сообщить от Вас некоторые данные, касающиеся Вашего участия в востании 1919 года.

Надеюсь, что Вы не откажетесь мне в предоставлении сведений, а именно: 1. Место Вашего рождения. 2. Место Вашего проживания в настоящее время. 3. Место Вашего пребывания в востании 1919 года. 4. Место Вашего пребывания в востании 1923 года.

С уважением, М. А. Шолохов.

и все, вынужден был участвовать в нем и хотя и был избран воставшим на командную должность, но все время старался как можно больше уменьшить унасы востания. Очень и очень многие могут засвидетельствовать о том, что оставались живы только благодаря Ермакову... Ермаков сказал, что если вы позволите расстрелять пленных, то порубаю и вас как собак, на это есть суд, который будет разбираться, а наше дело только доставлять комманданту. Восстание вообще носило характер стихийный. Как лошади, когда ее вьзвуждают в первый раз — первое движение ринуться вперед и все порвать, так и в Вешенском округе слишком не привычными показались мероприятия Советской власти, и народ взбунтовался и только после довольно крупных потерь убедился в пользе действий совласть. Советская же власть, видно, так и пошла Вешенско-Донское востание 1919 года и объявила полное за него прощение. Руководствуясь этим прощением власти, граждане села Базки и сочли нужным обратиться к власти со своим отзывом о Ермакове. Да к тому же Ермаков в германскую войну заслужил урядничество за исключительно его старательную службу, при изгнании белых сдался в плен Красной Армии добровольно, участвовал с красными в походе на Варшаву, имел отличие за свою личную службу и был зачислен в ком. состав. Конечно, совласть может найти его по закону, но со своей стороны граждане высказывают о нем свое мнение, как о честном, добросовестном хлеборобе и рабочем, не боящемся никакого «органного труда».

«Начальнику III отделения». Мною Ермакову было объявлено, что по делу ведется следствие, но он все-таки объявил голодовку, а поэтому прошу перевести его в одиночную камеру. 12.7.23».

В этом месте необходимо сделать пояснение. Ермаков проходил по одному делу вместе с организаторами казни подтелковцев. Это сильно затеняло следствие. Обвинение ему предъявлялось лишь как участнику Вешенского востания. Тем не менее есть интересная деталь. Если вы помните, Григорий Мелехов был свидетелем казни подтелковцев. Вероятно, эту сцену Шолохов написал со слов Ермакова. Константину Примю удалось переговорить с ordinарием Ермакова Яковом Федоровичем Пятиновым.

«Скажите мне, пожалуйста, — обра-

должал Пятаков. — Встретился в утор. Это белые вли Подтелкова и Кривошлыкова через толпу к яме, где начали расстрел отряда. С боку Подтелкова были Спиридонов и Сенин с оглоуными вышками. И Подтелков, узнав Ермакова, назвал его худой... Ермаков ему тоже отвечал, что страшное. Но когда Спиридонов крикнул Ермакову: «Давай своих казанов-охотников». Это значит, что хочет сам стрелять в красных... Ермаков крикнул: «Нет у меня палачей-охотников...». А тут вдвинулся второй залп. Тут же в двадцати шагах. Божа ж мой, что там творилось! Я схватил Ермакова за пояс, волоку к лошадям, а Спиридонов кричит: «Вернись, гад, а то мы и тебя в эту яму скинем. Задержите его», — махнул рукой на своих вооруженных казаков. Но Ермаков обнажил пашку... И я тоже. Казаки расступились».

Из обвинительного заключения.

«В 1919 году в момент перехода Красной Армии в наступление, когда переез в борьбе клонился на сторону войск Советской России, в районе станицы Вешенской, в тылу Красной Армии, вспыхнуло восстание. Во главе воставших стал есаул Ермаков Харлампий Васильевич».

Послесловие нашего корреспондента

На этом, пожалуй, и можно бы поставить точку в рассказе о судьбе казака Харлампия. Но не в судьбе его прототипа — Григория Мелехова — и самого автора «Тихого Дона».

«Почитатели», умело кормившие долгие годы близостью с Шолоховым (как правило, близостью выдуманной), после смерти его стали участвовать в распространении всякого рода слухов. Стремление затиснуть его тени в прокрустово ложе стандартных представлений о творчестве сопровождалось прежде и сопровождается подчас и ныне самыми нелепыми измышлениями.

Наверное, нет смысла делать из великого писателя икону. Да, и курил, и не чужд был оценкам был прав и справедлив. Но вот, однако же, созданный, над которыми никакие тучи уже не пробегут.

Более семидесяти статей, очерков, интервью, репорта-

жей и отчетов о встречах с Шолоховым написал неутомимый его исследователь — доцент кафедры истории журналистики Ростовского государственного университета М. Мезенцев. Жил рядом с Шолоховым не один год, писал «за здравие», не сдерживая восторженных эмоций и бурного восхищения. «Осенило» же нашего исследователя уже после смерти писателя. И вот ученый, перечисляющий в списке своих научных трудов даже информаций в многотиражных газетах, начал переписывать биографию Шолохова «начерно».

С наступлением гласности М. Мезенцев начал рассказывать свои «научные труды» во всевозможные центральные издания. Впрочем, как и следовало ожидать, без какого-либо заметного успеха. Единственной газетой, опубликовавшей статью Мезенцева с грязными нападками на Шолохова, оказалась районная газета «Комму-

нистический путь» в городе Северном Волгоградской области.

Уровень «исследования» специалиста в области теории журналистики можно приоткрыть следующие сентенции. «В «Тихом Доне» описана Аксинья после ловли рыби отогрывается в колне сына. Григорий делает попытку обнять ее: «Пусты... Помалкивай... Пусты, а то зашумлю». В одном из ранних очерков Ф. Д. Крюкова «На тихом Дону» как раз пытается добиться расположения соседки: «Пусты... Пусты, тебе говорит, а то зашумлю...».

Любому здравомыслящему человеку ясно, что подобный принцип подбора доказательств «апеллята» способен всех наших писателей превратить в потенциальных подсудимых. Ибо криминалом окудывается уже то, что все пользуются одними и теми же словами. Увы, из

одинаковых